

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года

«Микроэпос» о народной войне

Татьяна СЕРГЕЕВА

Стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Бородино», отклик на 25-ю годовщину Отечественной войны 1812 года, было напечатано при жизни поэта в пушкинском журнале «Современник» и в сборнике 1840 года «Стихотворения».

Предназначение России, русское будущее волновали Лермонтова с юных лет. Для своего первого прозаического опыта - романа «Вадим» - поэт избрал события крестьянского восстания, которое прокатилось в 1773 - 1774 годах и по родным ему местам. (Детство будущего автора «Героя нашего времени» прошло в принадлежавшем ему бабушке со стороны матери Елизавете Алексеевне Арсеньевой, урожденной Столыпиной, поместье Тархан Пензенской губернии.) В итоговом стихотворении 1841 года «Родина» свою выстраданную любовь к отчизне Лермонтов определил как «странную». Такое чувство резко отличалось от патристического казенного. Вот что, к примеру, говорилось в «Записках» Ф. Ф. Вигеля: «В нечестивой Пензе услышал я в первый раз насмешки над религией, хулы на бога, эпиграммы на богородицу от таких людей, которые были совершенные неучи... Судя о

будущем по прошедшему и настоящему, я теперь уверен в душе моей, что если б когда-нибудь (помилуй нас, боже) до дна расколыхалась Россия, если б западные ветры надули на нее свирепую бурю, то первые ее валы воздымались бы в Пензе... Во время Пугачевского бунта вольеромством и жестокостью никто не превзошел ее жителей».

А как же 1812 год, когда подвигом армии и народа была спасена русская земля, подвергшаяся чужеземному нашествию? А как же рассказы о Бородинской битве, сожжении Москвы, взятии Парижа, которые были для Михаила Лермонтова, как и для его современника Александра Герцена, «...колыбельной песней, детскими сказками... Иллиадой и Одиссеей»? А как же знание о том, что в событиях 1812 года принимали участие многие родные и знакомые поэта? (Приводимые далее факты известны благодаря пензенским исследователям С. А. Андрееву-Кривичу и В. П. Арзамасцеву.) Отец, Юрий Петрович Лермонтов, был в ополчении. Бабушка жертвовала деньги в поль-

зу русской армии. Четверо ее братьев состояли на военной службе. Афанасий Алексеевич Столыпин в Бородинском бою командовал артиллерийской батареей, особенно отличился в одной схватке, близко подступив к неприятелю и хладнокровно расстреляв его карточку. В Тарханах жили вернувшиеся из заграничных походов солдаты, участники Пензенского ополчения. И разве забудется, как пятилетним Миша видел в Москве следы пожара, разрушенные стены Кремля, орудия, захваченные у французов! А гувернером у внука Елизаветы Алексеевны был

сержант наполеоновской гвардии Жан Капе, взятый во время войны в плен...

Тема войны 1812 года занимала Лермонтова с первых его поэтических опытов. В поэме «Черкесы» упоминаются «неустрашимые сыны Дона», казаки, «которых Рейн, Лоар (по-видимому, Луара. - Т. С.) и Рона видали на своих брегах». В поэме «Сашка» (во многом автобиографической) Лермонтов сказал: «Москва! Москва!.. люблю тебя, как сын, / Как русский, - сильно, пламенно и нежно! / Люблю священный блеск твоих седин! / И этот Кремль, зубчатый, безмятежный, / Напрасно думал чуждый властелин! / С тобой, столетним русским великаном, / Померяться главою и обманом! / Тебя низвергнуть. Тщетно поражаю! / Тебя прищелк: ты вздрогнул - он упал! / Вселенная замолчала... Величавый, / Один ты жив, наследник нашей славы». В 1831 году, сочиняя «Поле Бородина», семнадцатилетний поэт непосредственно обращается к сражению под Москвой. Но только коренным образом переработав это стихотворение, дав слово простому русскому человеку, перед лицом смерти понимаемому,

ПАРТИЗАНЫ

Мишуа легенды и мифы

Николай МАТРОНОВ

Одним из важнейших феноменов войны 1812 года стали широкомащтабное народное сопротивление и партизанское движение, породившее много слухов, споров и легенд, которые впоследствии воплотились в литературных произведениях, научных трудах, искусстве.

Для многих наших современников отвага и романтика летучих партизанских отрядов, называемых в военных кругах партиями, пожалуй, наиболее ярки предстали в музыкальном фильме «Гусарская баллада», созданном более полувека назад. В нем мы обнаруживаем прообразы знаменитых, овеянных ореолом воинской доблести, брагодства, поэзией любви героев - «кавалерист-девицу» Надежду Дурову, легендарного партизана Дениса Давыдова и многих других исторических персон, включая фельдмаршала Кутузова. Мы не найдем в фильме фигуру одного из наиболее прославленных и популярных партизанских командиров - Александра Фигнера, который вполне мог бы стать главным героем современного авантурного телесериала, в котором экстравагантный, дерзкий, наделенный изощренным умом и брутальностью секретный агент спасает страну от грозящей гибели. При этом стремительная жизнь, воинские подвиги, таинственные миссии и сопровождавшие всю его бурную деятельность легенды довольно подробно описаны в биографических сочинениях, воспоминаниях современников, работах историков последующих поколений.

Александр Самойлович Фигнер, потомок старого, как пишут историки, немецкого (остзейского) рода, предки которого переселились в Россию при Петре Первом, родился в 1787 году. Отец его, Самуил Самуилович (имя нетипичное для древних немцев), дослужился до штаб-офицерского чина, был директором то ли хрустального, то ли стекольного заводов, а с 1809 г. до кончины 8.07.1811 г. был вице-губернатором Псковской губернии (это нелишне иметь в виду, поскольку шли разговоры о низком происхождении героя). В 1805 году после окончания кадетского корпуса был выпущен в артиллерийский полк, откуда направился с экспедицией на остров Корфу, а затем отправлен в Милан (цель командировки неизвестна или окутана

тайной), но известно, что в результате молодой офицер в совершенстве овладел итальянским языком. В 1808 году переведен в Молдавскую армию, с началом в 1810 году турецкого похода в чине поручика принимал участие в ряде сражений, затем в краткий промежуток 1811 - 1812 гг. женился на дочери псковского вице-губернатора (надо полагать, коллеги и преемника его почившего в бозе папаша) - и с началом Отечественной войны вернулся к военной службе.

В день оставления Москвы нашего героя генерал Ермолов представляет Кутузову, и тот разрешает сформировать отряд и действовать в тылу французов. Следует череда дерзких и удачных операций, в том числе битва при селе Ляхово, считавшаяся крайне удачной. И в чине капитана Фигнер отправляется с доносением к императору (!), от которого получает уже чин подполковника.

Следует, конечно, сказать, что появление большого количества партизанских отрядов, в том числе армейских, их невероятная успешность и сопутствующие легенды породили в регулярной армии двойственное к ним отношение. С одной стороны, существовало предостережение, что партизаны - это часть армии, и они должны соблюдать принятые условия войны (кем принятые - это вопрос). Занято, что на этом настаивал Д. Давыдов, при этом делавший оговорки, что звание партизана не освобождает от чиновничьих

почти мгновенную славу исследователи объясняли несколькими причинами: он сам чрезвычайно стремился и умел произвести впечатление при личном знакомстве, был склонен к эффектной словесности, его донесения выделяются своей «литературностью». Денис Давыдов отмечал, что «русский знал совершенно и говорил на нем весьма красноречиво, с некоторою напряженною витиеватостью». Не меньшее значение придавал Фигнер и одежде: она была одновременно «идеологична» и демонстративна. Он носил мундир из толстого солдатского сукна (вспомним Грушницкого) с Георгием в петлице и черную медвежью шапку с изображением мертвой головы. Кому пример?

Много слухов распространялось о его подвигах в оккупированной Москве. Как утверждают исследователи, документальные свидетельства о том нет. Но авторы многих воспоминаний говорят о том, что Фигнер был одержим идеей убить при помощи партизан Наполео-

ложение не отклоняют, но и не принимают.

В Москве Фигнер пробует пробраться в Кремль, а, кроме того, создает вооруженные отряды для нападения на неприятеля, организует взрывы, поджоги, занимается шпионажем, использует переодетых, считавшихся в то время недостойным офицером, но и тогда благодарные цели оправдывали сомнения. Конечно, его проникновение в осажденный Данинг под видом итальянского купца было умопомрачительным, его арестовали, но он сумел убедить командующего генерала Раппа, что он убежденный бонапартист и готов доставить императору секретные депеши, но их получил, но доставил русскому командованию. Что тоже странно: мог рвануть к Наполеону и осуществить заветную миссию.

Историки, опираясь на дневники боевых действий, утверждают, что отряд Фигнера принимал участие в большом количестве войсковых операций, но свидетельств (в общей массе) гораздо меньше, чем о шпионско-маскарадных операциях, в т. ч. в Европе, где был сформирован «Мстительный Легион», преимущественно из пленных итальянцев, испанцев, русских кавалерийских и казачьих отрядов. Командир Легиона, уже полковник к тому времени, вынашивал теперь планы «взбунтовать» и освободить Италию от Наполеона, а самому стать вице-королем этой страны. Легенда о поединке героя-мстителя с Наполеоном продолжала жить. Но самому «исполнителю» оставалось жить недолго. Его последним «делом» стала операция по захвату Касселя, но, допустив ряд тактических ошибок, оказался прижат к Эльбе и погиб 1 сентября (или октября) 1813 года. Полковнику было всего 26 лет.

В спорах о личности и роли Александра Фигнера более всего присутствует моральный аспект: не цифры, не факты, не эффективность его действий. Д. Давыдов в письме Загоскину объяснял героизм партизанского предводителя его безмерным честолюбием и себлюбием. Есть свидетельства о жестокости и садистском коварстве в отношении пленных. Опустим их. Но другая сторона, как считают многие исследователи, сумела навязать представление о том, что человек невероятной храбрости, преданности вере и Отечеству заслужил право быть вне категорий добра и зла.

Битва при селе Ляхово.

на, но позволяет некоторые хитрости. А по поводу Фигнера говорили, что он был скорее разбойничий атаман, чем партизан «благоустроенной армии». Впрочем, разницу трудно было объяснить. Отчего-то шум и слухи о Фигнере распространялись быстрее всего, при этом имя его путали, называя «Сожженная Москва», якобы ответил жестом, когда пред-

ВЕДЬ НЕ ДАРОМ?

Война с Наполеоном двести лет тому назад, в которой участвовали не только Россия, но и Пруссия, конечно же, оставила свой след на территории Германии, особенно в Берлине и его окрестностях. И этот след часто имеет русское присутствие, потому что после Бородинского сражения Пруссия вела освободительную войну в Европе вместе с Россией.

Символ Берлина - безусловно Бранденбургские ворота, которые появились на месте средневековых городских ворот при расширении бульвара Унтер-ден-Линден в конце XVIII века. Это были величественные ворота в классическом стиле, которые венчала квадрига богини Победы Виктории (исначально - богини мира Зирены) работы прусского скульптора Иоганна Шадова. Обнаженную фигуру богини по приказу Фридриха Вильгельма II обличили в нацизм. Квадрига была установлена в 1795 году. Поскольку Бранденбургские ворота задумывались как ворота мира, на аттике под квадригой Шадов выполнил рельеф «Торжество мира».

В немецком историческом музее на Унтер-ден-Линдене есть картина, на которой изображен Наполеон, проезжающий со своими солдатами под Бранденбургскими воротами. Завоевав в 1806 году Пруссию, Наполеон распорядился снять квадригу и отправить ее в Париж как военный трофей. Только в 1814 году, когда Пруссия и Россия закончили освободительную войну против Бонапарта, прусский генерал-фельдмаршал Гебхард Лебрехт фон Блюхер вернул ее на прежнее место. В ознаменование победы над французской армией жезл богини Зирены украсили железным крестом, вплетенным в венки из дубовых листьев, и прусским орлом работы знаменитого художника и архитектора Пруссии Карла Фридриха Шинкеля. А богиня мира стала с тех пор богиней Победы.

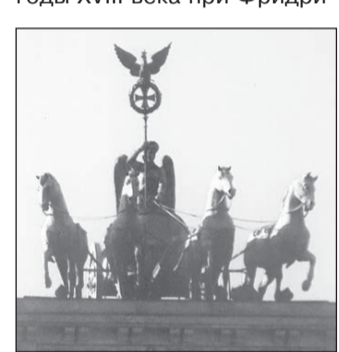
Во время Второй мировой войны ворота были сильно повреждены, а квадрига

ВЕХИ ИСТОРИИ

Богиня Победы на своем месте

На этой площади находится посольство Франции. Над новым зданием, построенным на месте разрушенного дворца, развевается французский флаг. А вот с южной стороны Бранденбургских ворот к площади примыкает посольство США. Интересно, что раньше здесь стоял дворец генерал-фельдмаршала Блюхера (Palais Bluecher). Генерал командовал прусской армией в 1813 - 1815 годах во время войны с Францией. В 2008 году на месте разрушенного во время Второй мировой войны дворца Блюхера было построено новое здание посольства США. Недалеко от ворот, на Унтер-ден-Линдене находится и посольство России. Это было первое послевоенное здание монументальной застройки. Посольство построили на участке, который куплен в 1837 году по распоряжению императора Николая I вместе со ставшим на нем дворцом курляндской принцессы Амалии. В 1917 году посольство резиденции России наследовал Советский Союз. Во время Второй мировой войны дворец был разрушен, а в 1953 году восстановлен.

Вдали от центра Берлина, на западе столицы есть хорошо известная крепость-цистель Шпандау. Она была построена итальянскими мастерами в XVI веке. Это одно из наиболее значительных крепостных сооружений Германии, образец фортификационного искусства Ренессанса. Цитадель служила не только крепостью, но и сокровищницей. Известно, например, что канцлер Бисмарк хранил здесь более ста миллионов золотых марок - контрибуцию, которую он выжал с Франции, победив во франко-прусской войне 1870 - 1871 гг.

Квадрига на Бранденбургских воротах.

Квадрига на Бранденбургских воротах. В 1814 году, когда Пруссия и Россия закончили освободительную войну против Бонапарта, прусский генерал-фельдмаршал Гебхард Лебрехт фон Блюхер вернул ее на прежнее место. В ознаменование победы над французской армией жезл богини Зирены украсили железным крестом, вплетенным в венки из дубовых листьев, и прусским орлом работы знаменитого художника и архитектора Пруссии Карла Фридриха Шинкеля. А богиня мира стала с тех пор богиней Победы.

Во время Второй мировой войны ворота были сильно повреждены, а квадрига

разрушена. От оригинала скульптурной группы, отлитой в 1793 году, сохранилась лишь голова лошади. Она выставлена в Бранденбургском музее. Однако на основании гипсовых слепков, которые были сделаны в 1942 году, реставраторам Восточного и Западного Берлина удалось к 1957 году восстановить квадригу. Это был единственный совместный проект двух зон. Ее уже готовились установить, но по решению руководства Социалистической единой партии Германии с жезла богини Победы сняли символы милитаристской Пруссии - орел и железный крест. Площадь рядом с Бранденбургскими воротами называлась раньше Фирек, что означало - прямоугольная. Она была заложена в 30-е годы XVIII века при Фридри-

Окончание на 2-й стр.

Окончание на 2-й стр.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Медленное отступление

Фезанзак

Ночью 18 октября экипажи 3-го корпуса двинулись к сборному пункту, в Симоних монастырь. Никогда за нами не тянулось столько экипажей. Ночи едва хватили, чтобы нагнать провиант и привести упряжки в порядок. За час перед восходом солнца тронулись в путь. Симоних монастырь был весь объят пламенем - жгли провиант, который не могли взять с собой. Во многих фугонах было свободное место, а перед нами горел провиант, который, может быть, спас бы нам жизнь. Мы тащили за собой все, что избежало пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперешку с фугонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, шедшие в несколько рядов по широкому русскому дорогам, имели вид громадного каравана.

Окончание на 2-й стр.

Немецкий исторический музей.

СУДЬБЫ

Французы из Столешникова

Валерий ЯРХО

Семейство французских артистов Ламирале стало московскими жителями по стечению обстоятельств. Балетный танцор Жан Ламираль, его супруга Елизавета, также балерина, выступавшая с мужем на одном подмостках, и две их дочери - Роза и Аннета - порядочно поехали по Европе, гастролируя в разных странах, прежде чем мсье Жан Ламираль, уже в качестве звезды сцены, получил приглашение директора санкт-петербургской немецкой труппы господина Мире и в 1803 году приехал в столицу Российской империи. Но в Петербурге Ламирале долго не осталось - как раз в эту пору дирекция императорских театров строила разные планы в отношении артистов частного театра из поместья генерала Зорича - после кончины экс-фаворита императрицы Екатерины Великой его крепостную труппу в 1800 году отпустила казна.

Прежде принадлежавших Зоричу «театральных люшек» расскастрировали: музыкантов определили в военные оркестры, а актеры частью садили в солдаты, частью перевели в столичную труппу, а подававших надежду молодых танцовщиц и танцовщиц отправили в Москву, где затевался новый театр. Для занятых с этими молодыми людьми в

Москву предложили поехать мсье Ламираль, который уже успел проявить себя как постановщик балетов и незаурядный педагог. Легкая на подъем семейка в 1806 году снова отправилась в путь и, привычная к подобным переменам, скоро прижилась и на московской земле. Когда из-за сложности в отношениях между Францией и Россией им предложили принять российское подданство или покинуть страну, Ламирале предпочли стать подданными российского императора.

До 1811 года Жан Ламираль выступал на сцене и преподавал в училище, а потом вышел в отставку и целиком сосредоточился на постановках divertissementов, танцевальных номеров и преподавании. Вдобавок к этому он открыл частный танцкласс, в котором обучал москвичей новейшим балетным танцам, узнавая о них раньше других московских танцевальщиков. Этого его занятия очень помогала дружба с балетмейстером Шарлем Дидло - мсье Жан вместе с ним учился в парижской консерватории, а потом они выступали на одних сценах в Англии и России. С годами узы дружбы не распались, и поселившийся в Москве мсье Жан каждое лето ездил в Петербург в гости к другу Шарлю, супруга которого в Петербурге среди учителей танцев занима-

ла совершенно особенное положение.

Первая жена Шарля Дидло, мадам Роз, была балериной и так же, как Елизавета Ламираль, всюду ездила с мужем по разным странам. В Россию она приехала сразу же после рождения их сына Карла, и здешний климат не пошел ей на пользу. После смерти мадам Дидло ее супруг какое-то время вдовствовал, но сын и дочь требовали женских рук, а потому он стал искать новую спутницу жизни, выбирая среди «своих», во французской труппе театра. По сердцу мсье Шарлю приглянулась танцовщица Роза Колинет, служившая в санкт-петербургской балетной труппе с 1 мая 1799 года, получая жалованье «примы» - ей полагалось 3500 рублей ассигнациями на год.

Столичная публика ее просто обожала, но, став женой Дидло, мадам Роза оставила сцену, занявшись преподаванием танцев. В короткий срок она так сумела себя зарекомендовать, что ее пригласили давать уроки в Смольном монастыре, где воспитывались барышни высшего аристократического круга, а потом и в других столичных институтах «для благородных девиц». Высочайшая покровительница женских учебных заведений вдовствующая императрица Мария Федоровна ежедневно бывала в Смольном,

частенько заставляла уроки Розы Дидло-Колинет, удостоивала ее беседы, неоднократно выражая свое удовольствие успехами учениц. Не ограничиваясь одними только комплиментами, царственная патронесса Смольного ходатайствовала перед своим сыном - императором Александром - о том, чтобы в качестве поощрения трудов мадам Розы ее семье отвели под квартиру покои в Михайловском замке, который после смерти императора Павла практически пустовал - там жили только смотритель замка и небольшой штат слуг. В этой дворцовой квартире принимали приезжавшего в гости мсье Ламирале, и вместе с Дидло он совершал экскурсии по замку в сопровождении смотрителя, демонстрировавшего всю роскошь замковых помещений.

Во время визитов в столицу мсье Ламираль проходил своеобразную стажировку на уроках мадам Розы, которая сама составляла балетные и «разнохарактерные» танцы, разучивая их со своими ученицами. Эти новые танцы, создававшиеся мадам Дидло, «были в большом употреблении во всех аристократических домах». Научить им могла только мадам Дидло, а потому у нее отбою не было от приглашений на уроки в дома столичных аристократов.

Окончание на 2-й стр.

ВЕДЬ НЕ ДАРОМ?

«Микроэпос» о народной войне

Начало на 1-й стр.

Впоследствии Наполеон писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

По свидетельству одного из современников, Лев Толстой говорил о лермонтовском стихотворении как о зерне «Войны и мира». Развертывая в романе-эпопее грандиозную панораму Бородинского сражения, писатель указывал, что и сам Наполеон, и все генералы, и все солдаты французской армии «испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв ПОЛОВИНУ войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения».

Далее Толстой писал: «Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена... Прямое следствие Бородинского сражения было беспринципное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибавшей пятисотысячному нашествию и погибавшей наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородино была наложена рука сильнейшего духом противника».

В заключение скажу, что заданный в «Бородине» вопрос «ведь не даром?», то есть вопрос о «цене победы», ныне сверхактуален - только по отношению не к «грозе Двенадцатого года», а к второй Отечественной войне 1941 - 1945 годов. Чудовищно, что в России XXI века немало тех, кто подвергает сомнению необходимость великой жертвы, принесенной советским народом на алтарь Победы в смертельной вооруженной борьбе с

абсолютным мировым злом - германским фашизмом. А между тем очевидны сходные черты между двумя Отечественными войнами нашего народа. «Великая Армия», как именовали ее сами французы, слышавшая непобедимой, вступила в Россию, форсировав Неман, 12 (24) июня 1812 года. Показательно пристальное внимание, с которым изучали в германском генеральном штабе времен III рейха историю наполеоновского похода на Восток. Не случайно гитлеровские армды совершили агрессию против СССР 22 июня 1941 года. Командованию вермахта казалось, что их ударные группировки в кратчайший срок дойдут до древней «варварской столицы» и овладеют ею. Однако гитлеровские стратеги не учли горестного опыта своих предшественников, которые, в хвост и в гриву погоняемые русским воинством, русским морозом и голодом, вынуждены были беславно драпать в свои пределы. И снова, как в Двенадцатом году, русские защищали свое отечество «с фанатическим упорством» (так писали в дневниках 1941 года выходцы из военной аристократии, причислявшие себя к «высшей расе» арийцев).

«Каждодневные Бородино» были угрозой захватчикам на всем пути до Москвы. В том числе и на самом поле русской славы в районе Можайска, где в октябре 1941 года велась ожесточенная битва с рвущимися к советской столице врагом.

И ныне, в дни, когда отмечается 70-летие разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, вспомним благодарно среди тех, кто вдохновлял наш народ на эту победную битву, Михаила Юрьевича Лермонтова.

Глазами очевидцев

Юлия НИКОЛЬСКАЯ

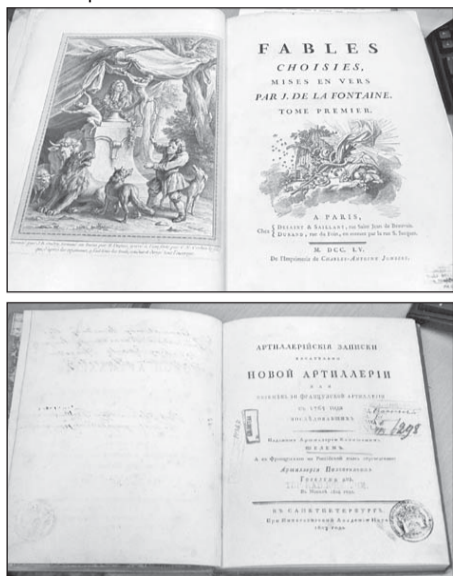
Уникальная коллекция книг из библиотек участников и современников Отечественной войны 1812 года хранится в музее-панораме «Бородинская битва». Среди них книги из личных собраний А. А. Аракчеева, П. М. Волконского, П. М. Капцевича, П. П. Коновницына, А. И. Нейгарда, А. С. Норова, М. М. Петрова, А. П. Тормасова, Г. М. Хомутова. Это не только действительно редкие книги, имеющие большое научно-экспозиционное значение, это - реликвии.

«В 1997 г. в наше собрание поступила книга с редчайшим экслибрисом графа Алексея Андреевича Аракчеева «Артиллерийские записки...», - рассказывает хранитель фонда коллекции «Редкая книга», главный специалист научно-фондовой работы Надежда Юрьевна Шведова. - Надо отметить, что книги из библиотек Аракчеева являются большой библиографической редкостью. Приобретенный экслибрис в хорошей сохранности, в прекрасном целлофановом переплете с золотым тиснением по корешку и орнаментальными и растительными рамками на крышках переплета, с золотым обрезом и форзацами из муаровой бумаги».

Библиотека Аракчеева, собиравшаяся им с 1795 г. в течение тридцати лет, насчитывала 11000 томов. Она состояла из подаренного ему собранием барона Каптенгаузена, из собственных приобретений и из книг, подаренных авторами и издателями (в экзemplярах на особенной бумаге, с автографами). Именно они составляли значительную часть его библиотеки. Этот экслибрис - из этой части библиотеки, с дарственной надписью от переводчика книги: «Его Сиятельству Господину всей / Артиллерии Инспектору Генералу / и Кавалеру Графу Алексею / Андреевичу Аракчееву / Отъ Артиллерийского Полковника / Гогеля усерднейшее приношение». Иван Григорьевич Гогель - генерал от артиллерии, военный педагог, переводчик, автор нескольких сочинений по артиллерии, оружию и др. В музее хранится несколько его работ, в том числе - лучшее сочинение о ручном оружии начала XIX века «Подробное наставление...».

Надежда Юрьевна продемонстрировала уникальный экслибрис корреспонденту нашей газеты: «Взгляните

- по печатам и штемпелям прослеживается и дальнейшая судьба этой книги. Здесь и гербовая печать Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, куда поступила библиотека после смерти владельца, и более поздняя печать Тверского кавалерийского юнкерского училища, и ярлыки букинистической торговли».

Еще одна достопримечательность коллекции - книга из библиотеки известного героя войны Петра Петровича Коновницына. Он имел богатую библиотеку с большим архивом его рукописей, часть которых поступила в 1912 г. в создававшийся Музей 1812 года. Судьба же библиотеки до сих пор остается неизвестной. В музей-панораме «Бородинская битва» попала лишь одна книга из его собрания - первый том парижского издания басен Лафонтена 1775 года с прекрасными гравюрами по рисункам Жана-Батиста Удри, известного французского живописца и гравера. В 1736 году он создал серию рисунков к «Басням» Лафонтена. Они пользовались большой популярностью. На книге гравированный экслибрис с изображением в овальной линейной рамке герба Коновницына, увенчанного графской короной с девизом «Est immortalis quod орто» («Бессмертен тот, кто того хочет»), и карандашная надпись: «Книга сия принадлежала графу Петру Петровичу Коновницыну».

«Книга Н. А. Полевого «История князя италийского, графа Суворова...»,

приобретенная музеем в 1996 г., несмотря на относительно позднее издание и большой тираж, встречается достаточно редко. Но нас прежде всего заинтересовали особенности этого экслибриса. Владельческий целлофановый переплет с золотым тиснением орнаментального рисунка, якоря и креста и надписей «СЪ НИМИ БОГЪ», «ПОБЕДА УРА» и «ПОЛКОВНИКА М. ПЕТРОВА». На оригинальной обложке штемпель «МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ ПЕТРОВЪ». В тексте встречаются карандашные пометы, надписи под рисунками, вклеенные рукописные листы. Комментарии к тексту, оценка тех или иных событий говорят о незаурядном, неравнодушном читателе», - убеждена Надежда Юрьевна.

Сам М. М. Петров проходил из воронежских дворян, прослужил 26 лет и дослужился до чина полковника. Участвовал в 68 сражениях: в войнах России с Францией (1805 - 1807), Швецией (1808 - 1809), Турцией (1806 - 1812), в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813 - 1814 годов. Михаил Матвеевич оставил воспоминания «Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачатых с 1789 года. 1845», полная публикация которых появилась лишь в 1991 г.

После сравнения почерков, стили изложения не оставалось сомнения в том, что все записи в книге сделаны рукой Петрова. Более того, на одном из вклеенных листов имеется выписка из его «Рассказов» (обращение к Суворову). И очень любопытная таблица, в которой проставлены баллы военачальникам русской армии по стратегии, тактике, хладнокровию, храбрости и т. д. На титульном листе синими чернилами - более поздняя надпись следующего владельца книги «Николай Александр Веретеников», очевидно, потомка И. Д. и К. Д. Веретениковых, соседей Петрова по имени. Известно, что один из списков своих «Рассказов» (в середине XIX в. ходило по рукам не менее четырех рукописных вариантов «Рассказов...», пущенных в оборот самим Петровым) автор подарил им.

СУДЬБЫ

Французы из Столешникова

Начало на 1-й стр.

За двухчасовой урок в частном доме мадам Роза брала сто рублей ассигнациями, но платившие были весьма довольны, поскольку могли похвастаться перед знакомыми, что их дочерью учит «сама Роза Дилло-Коллинет».

Переселение семейства Ламираль в Москву пошло явно на пользу - в короткий срок они заработали такие деньги, что в 1811 году мсье Жан купил в Столешниковом переулке большой дом в 27 комнат, с большим залом, в котором он занимался с учениками. Однако времена «тучных хлебов» и процветания скоро прошли, и летом 1812 года, когда началась война, фамилию Ламиралей, как и многих других москвичей иноземного происхождения, постигла беда. В августе, еще прежде чем состоялась битва при Бородине, по всей Москве прошли аресты иноземцев, которых брали по особым спискам, составленным полицией по приказу московского главнокомандующего графа Ростопчина. Среди прочих арестованных оказался и Жан Ламираль, на которого какой-то неизвестный сделал донос, что будто бы он, угощая шампанским компанию приятелей в своем доме, поднял тост за Наполеона, успех его дела и поражение русских. Такого анонимного обвинения оказалось вполне достаточно, чтобы «злостного бонапартиста» Ламираля 20 августа 1812 года взяли под стражу и отвели в Армянский переулок, где в доме Лазарева собиравли всех арестованных полицией иноземцев.

Узнав о том, что московские власти произвели аресты каких-то иностранцев, заподозренных в шпионаже и симпатиях к Наполеону, к дому Лазарева сошла толпа московской черни, собиравшейся самосудом расправиться с арестантами. Узников лазаревского дома пришлось выводить из дома ночью, через задние ходы усадьбы. С большими предосторожностями, под сильным караулом арестантов отвели на берег Москвы-реки, где, свернувшись со списком, полицеймейстер Волков завел каждого на борт речной барки. Четыре десятка высланных из Москвы иноземцев - французов, немцев, евреев - в сопровождении караула отправили вниз по реке, с тем чтобы в дальнейшем получить распоряжения о маршруте от местных властей. Но в Коломне, где начальник конвоя рассчитывал что-то узнать, им только посоветовали плыть дальше, по Оке, до Рязани. Этот совет пришлось принять как можно скорее, поскольку в иноземцев, вышедших в город, для того чтобы купить съестных припасов, напала толпа горожан, науськанная некими злотками, объявившими их французскими шпионами. Они едва унесли ноги, успев добраться до барки и выбраться на середину Москвы-реки, прежде чем их настигли преследователи.

Из Москвы-реки барка вышла в Оку и пошла к Рязани, до которой из-за сильного обмеления реки добирались более двух недель. Но и в Рязани никакие распоряжения насчет высланных у губернского начальства не имелось. Окончилось это многодневное странствие по реке только в Нижнем Новгороде, где Ламираль и его товарищи по несчастью наконец сошли на берег и были определены на жительство без права отлучки в город Макарьев, где их поместили в особом доме, обнесенном забором, и подвергли за караулом около двух лет.

Только в 1814 году Жан Ламираль получил возможность вернуться в Москву, где воссоединился с семьей, которому довелось пережить куда более ужасные приключения, нежели ему.

Через своих знакомых по театру Ламирали узнали, что по приказу Наполеона сестра сосланного вместе с главой их семейства режиссера Армана Домерга, мадам Аврора Бюссе соби-

рает французскую труппу, чтобы давать представления в уцелевшем от пожара домашнем театре Позднякова у Никитских ворот. Всем членам труппы сулили гарантии неприкосновенности, выдачу жалованья деньгами, продуктами и вином. В этом был известный шанс обретения хоть какой-то определенности положения в военное время, и Ламирали стали участниками этой труппы, в которой были собраны все их старые знакомые, в числе которых оказался и близкий приятель семейства танцмейстер Йогель, игравший на скрипке в театральном оркестре.

Мадам и обе мадмуазели Ламираль принимали участие во всех постановках, но не на первых ролях. Зато они блистали в дивертисментах, исполняя русские пляски, и префект двора императора Бонапарта, генерал Боссе, курировавший «театральный проект», в своих воспоминаниях не преминул отметить: «Это были настоящие русские танцы - не те, что нам показывают в парижской «Гранд-Опера», а так, как пляшут в России».

Пребывание французской армии в Москве было совсем недолгим, и просуществовав лишь 11 дней, театр, открытый по приказанию Наполеона, прекратил существование. Всем участникам труппы было предложено присоединиться к обзному колоннам уходящей армии, и большинство французских артистов, опасаясь мести со стороны возвращающихся русских, согласились на это. Остались очень немногие, например Йогель, но, как оказалось, именно они-то и не прогнали: русские власти ничего им не сделали, а вот ушедшие с армейскими обозами французов дорогой попали в страшную беду.

Относительно благополучно члены труппы добрались только до Смоленска, а дальше им пришлось испытать на себе все ужасы нападения партизан, обстрелы колонн, мороз, голод, измождение и болезни. Бредя этой дорогой смерти, мадам Ламираль и ее дочери добрались до самой Березины, где в страшной кутерьме у переправ обоз, с которым они тащились, настигли донские казаки. Их участь могла быть ужасной - про казаков рассказывали самые страшные истории, - но французских балерин спасло знание русского языка и чуточку удача: они смогли добиться приема у самого атамана Матвея Ивановича Платова, который запретил их обижать и оказывал им свое покровительство.

Вернувшись к московским пенатам Ламирали обнаружили, что их дом в Столешниках занят полицией под Тверскую часть, и несмотря на целых три указа императора об амнистии подданным, связавшимся с неприятелем, и возвращении им всего имущества, отдавать владение Ламирали никто не спешил. В канцеляриях ничего и слушать не хотели, до той поры пока Ламирали не прибегли к протекции атамана Платова, который продолжал оказывать милости приглянувшимся ему французам. Слово графа Платова, только что вернувшегося из Парижа, взятого его казаками, стоило очень дорого, а потому полицеймейстеру Тверской части велено было освободить помещения и передать под законному владельцу. Поселившись на старом месте, господин Ламираль занялся своим прежним делом: учил людей танцам, помогал готовить балетным танцорам для поступления на сцену - словно и не было никакой войны.

Решив вернуться во Францию, Жан Ламираль продал свой дом князю Павлу Петровичу Гагарину, от которого он перешел к Солнцеву, а тот уступил его винооторговцу Лева. Это здание и до сих пор стоит все на том же месте и разве что еще несколько раз меняло хозяев, а знаменито оно ныне главным образом из-за того, что в нем была квартира Владимира Гиляровского.

ВЕХИ ИСТОРИИ

Богиня Победы на своем месте

Начало на 1-й стр.

А вот двести лет тому назад, в 1808 году, в крепости Шпандау стояли наполеоновские войска. Выбить их оттуда оказалось непросто. Это удалось сделать русским войскам в 1813 году под командованием принца Виртембергского. В доме коменданта крепости сегодня работает Музей истории города Шпандау, и здесь есть раздел, посвященный войне с Наполеоном. У входа в крепость табличка на немецком языке извещает об освобождении цитадели русскими войсками. А вот во время Второй мировой войны в Шпандау, говорят, был секретный объект по изготовлению химического оружия.

До 1987 года в городе Шпандау находилась тюрьма, где содержались военные преступники, осужденные Нюрнбергским трибуналом. Один из них - заместитель Гитлера по нацистской партии Рудольф Гесс. Сначала он сидел в лондонском Тауэре, а после процесса в Нюрнберге приговорен к пожизненному заключению и переведен в Шпандау. После его смерти здание было снесено, а строительный мусор выброшен в море, чтобы тюрьма не стала местом паломничества нацистов.

В черте города Берлина, в районе Кройцберг, есть самый высокий естественный холм. На вершине его стоит 20-метровый национальный памятник, сооруженный в честь освободительных войн 1813 - 1815 годов, которые вели Пруссия в союзе

с Россией против Наполеона. Автор этого уникального памятника - знаменитый немецкий скульптор Карл Фридрих Шинкель. Установленный в 1821 году памятник представляет собой неоготическую башню, шпиль которой венчает железный крест - воинская награда, учрежденная Фридрихом-Вильгельмом III в 1813 году. Этой наградой в Германии награждали до 1945 года.

В нишах памятника - две надатки скульптур Кристиана Рауха. Это военачальники и представители королевской династии. В одной из ниш - фигура принцессы Шарлотты Прусской, будущей императрицы Александры Федоровны. Крестообразный цоколь украшают чугунные литые и надписи, чапуминающие о важнейших сражениях того времени, например под Лейпцигом. Вокруг холма Кройцберг в 1888 году заложен парк Победы.

Войнам с Наполеоном, в частности 1812 - 1815 годов, уделено большое место в экспозиции главного музея Берлина - Немецкого исторического музея. Он размещается на Унтер-ден-Линден в бывшем здании Арсенала. Центральный портал здания украшен аллегорическими фигурами французского скульптора Гильямо Юло - пиротехника, арифметика, геометрика и механика. Во внутреннем застекленном дворике находится шедевр барочной пластики - знаменитые 22 «Головы умирающих воинов» скульптора Шлютера. В этом здании с 1730 по 1835 года размещалась королевская

оружейная палата. После победы над наполеоновской Францией здание Арсенала было превращено в зал Славы прусского государства, а затем в Музей немецкой истории.

В разделе, посвященном эпохе войн с Наполеоном, представлены портреты, награды, одежда, знамена участников сражений. Большие художественные полотна на посвящены главным сражениям прусских и русских солдат с Наполеоном. Например, битве под Лейпцигом, где на картине показана встреча прусского генерала Блюхера с предводителями русских войск.

На улице Унтер-ден-Линден находится здание новой караульни «Neue Wache», построенное в 1818 году при Фридрихе-Вельгельме III по проекту Карла Фридриха Шинкеля в стиле классицизма. На рельефе над порталом изображена богиня Победы, руководящая битвой. Первый развод караула у этого здания караульни состоялся в сентябре 1818 года по случаю посещения русским царем Александром I Александровского гвардейского грендерского полка.

До 1918 года, до свержения монархии в Германии, «Нойе Вахе» было главным караульным помещением. В 1931 году здание перестроили в мемориал павшим в Первой мировой войне. На постаменте из черного гранита был установлен двухметровый серебряный вензель работы скульптора Людвиг Гиса. Сейчас вензель хранится в Немецком историческом музее. Во время Второй мировой войны здание было разрушено и вновь восстановлено в 1957-м. В 1960-м его переименовали в Мемориал памяти жертв фашизма и милитаризма. В ознаменование 20-й годовщины образования ГДР в помещении. Будучи в Берлине в 1972 году с делегацией мастеров-строителей, мы посетили «Нойе Вахе» и возлагали цветы. Сегодня Вечного огня нет. В темном помещении, куда настезь раскрыта внушительных размеров дверь, сидит «Мать с мертвым сыном» - это увеличенная копия «Пьеты» (еще одно название скульптуры) немецкой художницы и скульптора

Кете Кольвиц. У скульптуры надпись - «Жертвам войны и тирании». Имеются в виду и войны с Наполеоном, и Вторая мировая...

По дороге в Потсдам мы заехали на озеро Ваннзее. Стоял густой туман, но очертания небольшого острова, который немцы называют Павлиным, все-таки можно было различить. Это самый крупный природный заповедник, куда можно добраться только на пароме. Золотой век острова начался в 1794 году, когда король Фридрих Вильгельм II решил построить здесь резиденцию для своей многолетней возлюбленной Вильгельмины Энке, графини фон Лихтенау. Любовное гнездышко

было построено по проекту самого короля. Павлиный остров не бомбили, так что практически все интерьеры резиденции сохранились до наших дней. В 1797 году король умер, и его сын и наследник Фридрих Вильгельм III, ненавидевший любовницу отца, выслал ее из Берлина. И остров стал летней резиденцией нового короля и его супруги - королевы Луизы, знаменитой «Прусской мадонны». Она умерла в 1810 году, и скульптор Шинкель по эскизу короля построил скромный мавзолей - храм Луизы.

Королева Луиза Пруская, супруга Фридриха Вильгельма III, пользовалась большой любовью своих подданных, а после ее смерти вокруг ее имени сложились немало легенд. Простую и скромную королеву считали образцом жены и матери и настоящей прусской патриоткой. Известно, что Наполеон именно ее считал виновницей войны 1806 года, которая закончилась молниеносным разгромом

Национальный памятник в честь победы над Наполеоном.

Пруссии. Легенда гласит, что именно королева Луиза, принимавшая участие во встрече Фридриха и Наполеона в Тильзите (1807 г.), уговорила французского императора сохранить Пруссию как государство. Согласно преданию, одержав победу над Наполеоном при Ватерлоо (1915 г.), маршал Блюхер воскликнул: «Теперь Луиза отомщена!»

Королеву Луизу немцы называли «ангелом кротости и доброты», «заступницей», «Прусской Мадонной». Среди прижизненных жестких портретов Луизы нет даже похожих: каждый художник стремился по-своему передать столь возвышенную красоту.

Озеро Ваннзее интересно еще тем, что в нескольких сотнях метров южнее паромной переправы, на обзорной площадке над рекой, построен необычный для этих мест рубленый дом под названием «Никольское». Она построена в 1819 году и считается памятником сердечной дружбы прусского и российского монархов, совместно победивших Наполеона. Впрочем, о сердечной дружбе говорят и на центральной площади Берлина - Александерплац, или сокращенно Алекс. После визита в Берлин российского императора Александра I эту площадь назвали именем монарха. Ну а разговор о Никольском и о русской колонии Александровка в Потсдаме в следующем материале.

Берта БУХАРИНА.

Москва - Берлин - Потсдам - Москва.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Поиски сокровищ

А. Рязанов

Враги нашего отечества, сгнанные в пепел здания, разоривши Москву до основания, ограбивши жителей до наготы, все истребивши и очистивши так, что к насыщенной ич алчности на земной поверхности ничего не оставалось, принялись усердно за геологию, то есть начали отыскивать зарытые сокровища в недрах земли. Для сей цели пошли они по пожарищам с ружейными железними шомполами и пробовали плотность и рыхлость земли. Когда случалось находить место, в котором они подозревали зарытые сокровища, то за наименее орудий, служащих к разрытию земли, мародеры, как ищущие сокровищ, отыскивающие тувель, землю разгребали руками.

Носились слухи, будто бы из русских были такие предатели, которые наводили неприятелей на известные им места. Конечно, в семье не без урода, но сколько мне случилось быть свидетелем, я видел везде противное...

Некоторые из отважных русских пленников, но больше из острожных колодников, сговорившись человека по три и более, вечером в сумерки расхаживали по пожарищам и, как звероловы, подмечали: не окажется ли где одинокого мародера, исковавшего зарытые сокровища. Тотчас подходили ему, низко кланялись и вели свою жертву к месту, где якобы были спрятаны сокровища. Неподозревающий злонамерения мусье наклонял голову и жадными взорами следил за указаниями. В эту минуту один из заговорщиков выхватывал сокровища под платком железной лопой или другим какое-либо оружие, со всей силой ударял по затылку искователя, и тот с разбитой головой сваливался на дно ямы. Удалялись из осторожности, чтобы товарищи не узнали по мундиру своего comrades, всегда старались его втихивать, если это была поиманная яма, вниз головами, ногами вверх.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта - Александр Егорунин
Шеф-редактор - Михаил Воstryшев
Выпускающий редактор -

Татьяна Калинина
Оксана Мерзликина

Макет -

Верстка - Корректура - Иллюстрация -

Елена Смойкина
Ирина Кутина
Александр Акульшин

Телефон для связи 8(499)259-10-15
e-mail egorunin@mospravda.ru

Цитадель Шпандау.